

Инфлюэнсер

Мой тонкий юмор, как пинцет гомеопата,
едва заметен, ну и действует не сразу,
когда красотка не достаточно поддата,
кина не будет, пива нет, ушла на базу –

такая, значит, незадача – тейк ит изи –
хотя, смеялась и была полураздета.

Стоит дождливая погода на карнизе
и целый день стучит в окно, как кастаньеты.

Зато, в знакомой наливайке примешь лишку –
идёшь пошатываясь, будто ищешь ровню,
в груди гуляет пустота, как будто книжку
забрал товарищ почитать, а кто – не вспомню,

так, наблюдая ежедневно, как в улыбку
слились расшатанные зубы книжных полок –
каким-то чудом умудрился сесть на рыбку,
а остальное в поговорке – съел нарколог.

В кругу друзей, входя в одну и ту же Мекку,
где бёдра девушек и теплится ламбада,
пытался вспомнить всю свою библиотеку,
но это войско не собрать в границах МКАДа.

Миттельшпиль

Синицы за окном сосут ириски,
торчит на ёлке дятел-истукан.
А ты себе плеснул ирландский виски,
по-русски – в оглушительный стакан.

Но, выпивая несколько поспешно,
как шахматист, за временем следи,
и если, невзначай, коснулся пешки,
есть правило, дотронулся – ходи.

Одолевает комплекс браконьера,
пусть даже не твоя фигура та –
коснулся, отвечай теперь, холера,
скачи конём хотя бы, гопота.

Устроишься в углу, такой нестарый,
в компании поэтов и актрис,
где сонную артерию гитары
зажал и держит пьяный гитарист.

Прозрачный, как дымок при разговоре,
глазеешь на мажоров и лепил,
тебя манила эта щель в заборе,
как будто там столица Филиппин,

и не впервой зарубкам на прикладе
доказывать, что ты не просто лось –
грудь незнакомой девушки погладил
случайно, и без мата обошлось.

Пора на Марс

Мороз, сорвавшийся с домкрата,
летающая в пургу страна –

ничё, что ночью темновато,
вдруг солнце – бац, и – *обана!*

Спиртовой воздух режет дёсны,
коптят далёкие миры,
и острозубые, как блёсны,
в квартирах ёлки до поры.

История заходит с тыла,
кипит её густая взвесь –
а ты забил на всё, что было,
поэтому сейчас и здесь,

но, как шахтёры из забоя,
наощупь тянутся на свет
газеты из прорех в обоях,
которых не было и нет –

как нет земли большой и плоской,
вестей со строек и полей,
пусть эти жёлтые полоски
почти разъел столярный клей,

гудят встревоженные дали
и ледяные провода.

А может это я в подвале,
где хлеб и горькая вода,

и, в новом оперенье фарса,
шагаю к свету по хвостам,
пока рукой подать до Марса,
и запускает Казахстан.

Сила привычки

Из модема выгнали Адама – торрент Евы скачивал взасос.
Месяц, словно ручка чемодана, к туче на колёсиках прирос.
Посыпают звёзды из солонки Эйфелеву башню без корней –
как у непослушного телёнка ноги разъезжаются у ней.

Сена под мостом синей Сенеки, у химеры иней на хвосте.
Видеть сквозь опущенные веки мне удобней даже в темноте,
здесь любая статуя носата, то ли дело – в солнечном раю,
где не спят Роскосмос и Росатом, обнимая родину свою,

ласточки с весною в чьи-то сени прилетели брызгами с весла,
будто и не гложет червь сомнений этот мир, испорченный весьма,
будто не ослабла нить накала у всего, что двигает людьми –
ни старалась как, ни намекала на пустые хлопоты любви.

Милая, ты тоже заскучала над последним яблоком в меню.
Дочитаю Библию сначала, а потом, ей Богу, позвоню.

Сомнение

Из глубины веков скажи-ка, няня,
уютная, как девушка с веслом –
коней на переправе не меняют,
но как мне поступить с моим ослом,

как показать клыки свои и норы,
пока враги грызут земную ось?
Открыл намеренно ящик помидоров,
лишь чудом без Пандоры обошлось.

Мне вырасти до звёзд не светит, да ведь?
Ну сколько можно в замети сплошной,
чтоб огоньку словам своим добавить,
по снегу чиркать палочкой ушной.

Возникнув, еле держится в секрете
желание уйти не нагрубя,
одно из двух осталось на планете –
ходить под Богом или под себя,

но вдруг удачу выследишь и – *хоба*,
петляешь кулаками, аки тать,
чтоб завести шарманку, или чтобы
на телефон наушники смотреть,

объятый пьяным зудом новоселья,
тянуть белиберды зубную нить,
и в морозилке кепку от похмелья
до будущего праздника хранить.

Поколение

Даже дворники смотрят влюблённо —
не чатланин, зачётный пацак,
нахватавшийся звёзд из бульона,
выхожу, сукин сын — весь WhatsApp,

путь кремнистый блестит, как бетонка,
только миг, за него и держись,
нос похож на зародыш цыплёнка
из журнала «Наука и жизнь».

Ко всему, что возможно исправить,
сам давно оборвал провода,
обновить бы короткую память —
надоело сгорать со стыда.

Иногда пробивает на жалость
к тем, кого оболгал WikiLeaks,
мы попкорном, как кони, заржались,
кокаколой под нимб упились.

Пусть светило, и больше не блещет —
не спешим уходить на покой,
хоть ломаемся чаще, чем вещи,
и гарантии нет никакой.